

# Спонсорам я не интересен.

## И мне это понятно

2 сентября в Киноцентре — премьера. Лев Кулиджанов представляет коллегам свою новую работу. Появление имени этого режиссера в титрах для любителей кино, отслеживающих пути его развития, довольно неожиданно. Зрители знают и помнят режиссера по поэтичным лентам шестидесятых — “Дом, в котором мы живем”, “Когда деревья были большими”. Фильмы эти вошли в золотой фонд отечественной кинематографии. Их и по сию пору время от времени “крутят” по телевидению. И смотришь — с удовольствием. Была в творчестве Кулиджанова своя, так называемая революционная тема — “Синяя тетрадь”, “Карл Маркс. Молодые годы”. И “Преступление и наказание” — почти двадцать пять лет назад. А потом долгие годы киномолчания (конечно, для нас, зрителей) — Кулиджанов почти двадцать лет возглавлял Союз кинематографистов, работал для и на кино, не выходя на экран.

снять фильм. Это, может, и естественно, я это понимаю, потому к ним и не суюсь. Вот на студии еще один сценарий лежит. Тоже, как и два предыдущих, Наталья Фокина написала. “Даю уроки игры на гитаре” называется. Если бы мне достало времени, и сил, и средств, конечно, его снять, значит, можно было бы говорить, что я завершил свой творческий путь, сняв трилогию. О человеческой душе, проживающей на земле, в перевернутом мире нашей родины, трагическую жизнь. Но это уже вряд ли получится.

— Все-таки будем считать, что пока итоги подводить рано, поэтому несколько слов о только что завершенной работе...

— Пожалуйста. Это история человеческого единения, человеческой близости, которая, увы, не всегда происходит, случается. И не по нашей вине часто. Герои моего фильма были знакомы давно, до революции, а встретились в новой для себя жизни и не узнали друг друга. Когда же поняли, кто есть кто, было поздно. Одна уже умерла, а другую арестовали, и она уже шла навстречу своей гибели. Их уже нет, и они все равно живут среди нас. Поэтому они появляются в новой жизни, среди лотков и суety Арбата 90-х годов — в попытке изменить, предупредить, научить. Но ничего не получается. Увы...

— А кто из актеров работал с вами?

— Я очень люблю людей актерской профессии, и, как говорят, они тоже с удовольствием работают со мной. Это были Ольга Антонова из Петербургского театра комедии, Елена Финогеева, Валентина Теличкина, Юрий Беляев, очень любимый мною актер с Таганки — он занят и в моей прошлой ленте. И молодые актеры, еще студенты театральных вузов: Леночка Оболенская, Никита Тюнин. Я с большой радостью трудился вместе с ними, благодарен за бережность, с которой эти молодые — с высоты моего возраста они все ужасно молоды! — люди переносили на ленту судьбы известных и дорогих мне людей. Не хочу казаться пижонем, но скажу, что после просмотра понял, что многое в фильме изменил бы, переснял. Но работы актеров это не касается, это — мои проблемы...

— Разговор у нас получился какой-то невеселый. Вель праздник, премьера.

— Положим, премьера еще впереди. А насчет грусти — может, полоса такая затянувшаяся. Но я верю, что все еще изменится. Не может не измениться — и в жизни, и в кинематографе.

— А как обстоят дела в вашем творческом союзе? С того памятного революционного съезда, вы, как я знаю, были отстранены от его руководства?

— Ну, скажем, обошлись все-таки без этого. Я понимал уже, что старое правление обречено, и перед съездом заявил о своем выходе из его состава, предупредил, что больше в союзе не буду работать ни в каком качестве. Как вы знаете, на съезде свержению и разрушению подверглось буквально все. И что в результате? Первым был уничтожен кинопрокат — срубили сук, на котором сидели. А что сделали нового? Вот недавно услышал страшную новость — хотят продать этаж в Доме ветеранов кино, построенном нами с таким трудом и любовью. Иначе, говорят, не выжить. А стариков — куда? Они, между прочим, квартиры свои сдали союзу, когда в Матвеевское переселялись... И дом отдыха в Пахре, почти достроенный, все эти годы простоял без применения — не до отдыха, борьба все время и силы отнимала. Вот сейчас, на последнем съезде, уже речи пошли другие — к старикам с добрыми словами. Ростоцкого и Бондарчука избрали секретарями, меня, заочно, — членом правления. Мне, конечно, это сейчас уже все равно, но, значит, что-то меняется. Надо жить для созидания, а не для разрушения. И тогда будут перемены. К лучшему, конечно. Я в это верю...

Вопросы задавал  
Ирина ЛОБАЧЕВА.

— Могло сложиться ощущение: Кулиджанов кино покинул. А теперь вот вторая премьера за три года. С чем связаны такие перемены?

— Я даже не знаю, перемены ли это. Я как в кино начал работать сорок лет назад, так и сейчас по-прежнему настроен на этот труд. Хотя он мне и не всегда по силам. Болею, иногда долго. Работа стоит... Но все равно совершенно отчетливо знаю, что так при кино и помру, хотя сейчас снимать фильмы — занятие безумно сложное. И неблагоприятное.

— Почему?

— Да потому, что зрителя своего мы потеряли, он ушел из кинотеатров. Моя предыдущая лента “Умирать не поздно” стала известна зрителям только в нынешнем году — ее показали по телевидению. Новый фильм — он называется “Незабудка” и для меня совершенно отчетливо является продолжением прошлой работы — постигнет та же участь. Проката ему не видать, хотя эталонная копия напечатана — это чтобы было с чего тиражировать. Смешно.

— А те, кто давал деньги на этот фильм, они разве не заинтересованы в организации полноценного проката, в возвращении затраченных средств?

— Если вы думаете, что кто-то захотел спонсировать мою работу, то глубоко ошибаетесь. Я снимал картину на медные деньги Госкино на студии Горького, моей родной студии, где я когда-то начинал, с которой связана вся моя творческая судьба. Так вот сейчас в ее павильонах снимается не более пяти картин, а возможности — для одновременных съемок двадцати. Да еще как снимается! Я прошу сто человек массовки, а на съемку приходят двадцать бомжей. Я заказываю поливальную машину, а помреж после долгих мятарств добывает пятерых нетрезвых молодых, которые лениво брызжут на асфальт из ведер. Пока сходят за следующей порцией воды, то, что они намочили, высыхает... Ну и так далее. О какой же организации проката можно говорить, когда мы даже со своими киношными проблемами не справляемся...

— Наверное, можно было попытаться найти финансовую поддержку новых, что называется деловых, кругов?

— Да я уверен, что никто из спонсоров просто не заинтересован “играть” со мною! В моих лентах ведь голых женщин нет, машины не кувыркаются — словом, камерные мои работы, для вдумчивого зрителя. Да к тому же я давно не модный, и даже старый, мне в этом году семьдесят уже исполнилось. Кто же захочет рисковать? Вложит деньги, а я не успею до-